

М.И.В. МЛН

НЕЗДЕШНИЕ
ВЕЧЕРА

СТИХИ

1914-1920

М. КУЗМИН

**НЕЗДЕШНИЕ
ВЕЧЕРА**

1 9 2 3

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

НЕЗДЕШНИЕ
ВЕЧЕРА

О, нездешние
Вечера!
Злато-вешняя
Зорь пора!
В бездорожьи
Звезды Божьи,
Ах, утешнее,
Чем вчера.

Все кончается,
Позабудь!
Уж качается
Сонно муть.
Ропот спора...
Скоро, скоро
Увенчается
Розой грудь.

Сладко просится
В сердце боль —
В небо броситься
Нам дозволь!
Легким шагом
По оврагам
Благоносица
Божьих воля.

Божья клироса
Дрогнет зверь.
Все открылося,
Друг, поверь.
Вдруг узнали
(Ты-ли, я-ли):
Не закрылася
Счастья дверь.

I

ЛОДКА В НЕБЕ

Я встречу с легким удивленьем
Нежданной старости зарю.
Ужель чужим огнем горю?
Волнуюсь я чужим волненьем?
Стою на тихом берегу,
Далек от радостного бою,
Следя лишь за одним тобою,
Твой мир и славу берегу.
Теперь и пенного Россини
По новому впиваю вновь
И вижу только чрез любовь,
Что небеса так детски сини.
Бывало, плача и шутя,
Я знал любовь слепой резвухой,
Теперь же в чепчике, старушкой,
Она лишь пестует дитя.

1915

Весны я никак не встретил,
А ждал, что она придет.
Я даже не заметил,
Как вскрылся лед.
Комендантский катер с флагом
Разрежет свежую гладь,
Пойдут разнеженным шагом
В сады желатъ.
Стало сразу светло и пусто,
Как в поминальный день.
Наползает сонно и густо
Тревожная лень.
Мне с каждым утром противней
Заученный, мертвый стих...
Дождусь ли весенних ливней
Из глаз твоих!?

1915

Как месяц молодой повис
Над освещенными домами!
Как явственно стекает вниз
Прозрачность теплыми волнами!
Какой пример, какой урок
(Весной залога сердце просит)
Твой золотисто-нежный рог
С небес зеленых нам приносит?
Я трепетному языку
Учусь апрельскою порою.
Разноречивую тоску,
Клянусь, о, месяц, в сердце скрою!
Прозрачным быть, гореть, манить
И обещать, не обещая,
Вести расчисленную нить,
На бледных пажитях мерцая!

1915

Ведь это из Гейне что-то —
А Гейне я не люблю.
Твой шопот, полудремота
Весенняя, я ловлю.

Во Франкфурте, что на Майне,
Серенький, теплый денек, —
Обречен я сладкой тайне
И свято ее сберег.

Зовут Вас фрейлейн Ревекка,
А может быть, фрау Рахиль.
Про Вас говорили от века
Песни, картина ль, стихи ль.

Увижу ль хоть край одежды?
Откроется ль новый мир?
Поэту так мало надежды:
Отец Ваш — важный банкир. —

На крыши надменных зданий,
Дождик, слезы пролей!
Из всех прощенных страданий
Страданья любви — светлей.

Разбукетилось небо к вечеру,
Замерзло окно...
Не надо весеннего ветра,
Мне и так хорошо.

Может быть, все разрушилось,
Не будет никогда ничего...
Треск фитиля слушай,
Еще не темно...

Не на веки душа замуравлена —
Разве зима — смерть?
Алым ударит в ставни
Страстной четверг!

1917

Равве звуки могут исчезнуть,
Или как теплая капля испариться?
В какой же небесной бездне
Голос Ваш должен отразиться?
Может быть и радуга стоит на небе
Оттого, что Вы меня во сне видали!
Может быть, в простом ежедневном хлебе
Я узнаю, что Вы меня целовали.
Когда душа становится полноводной,
Она вся трепещет, чуть ее тронь.
И жизнь мне кажется светлой и свободной,
Когда я чувствую в своей ладони Вашу ладонь.

1916

У всех одинаково бьется,
Но разное у всех живет,
Сердце, сердце, придется
Вести тебе с небом счет.
Что значит: „сердечные муки“?
Что значит: „любви восторг“?
Звуки, звуки, звуки
Из воздуха воздух исторг.
Какой же гений налепит
На слово точный ярлык?
Только слух наш в слове „трепет“
Какой то трепет ловить привык.
Любовь сама вырастает,
Как дитя, как милый цветок
И часто забывает
Про маленький, мутный исток.
Не следил ее перемены —
И вдруг . . . о, Боже мой,
Совсем другие стены,
Когда я пришел домой!

Где бег коня без уздечки?
Капризных бровей залом?
Как от милой, детской печки,
Веет родным теплом.
Широки и спокойны струи,
Как судоходный Дунай!
Про те, про те поцелуи
Лучше не вспоминай.
Я солнце предпочитаю
Зайчику мерклых зеркал,
Как Саул, я нашел и знаю
Царство, что не искал!
Спокойно ль? Ну да, спокойно.
Тепло ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Верное сердце светло.
Зачем же я весь холодею,
Когда Вас увижу вдруг,
И то, что выразить смею,—
Лишь рожденный воздухом звук?

1917

НОВОЛУНЬЕ

Мы плакали, когда луна рождалась,
Слезами серебристый лик омыли,—
И сердце горестно и смутно сжалось.

И в самом деле, милый друг, не мы ли
Читали в старом соннике приметы
И с детства суеверий не забыли?

Мы наблюдаем вещие предметы,
А серебро пророчит всем печали,
Всем говорит, что песни счастья спеты.

Не лучше ли, поплакавши вначале,
Принять как добрый знак, что милой ссорой
Мы месяц молодой с тобой встречали?

То с неба послан светлый дождь, который
Наперекор пророческой шептунье
Твердит, что месяц будет легкий, спорый,
Когда луна омылась в новолунье.

1916

Успокоительной прохладой
Уж веют быстрые года.
Теперь, душа, чего нам надо?
Зачем же бьешься, как всегда?

Куда летят твои желанья?
Что знаешь, что забыла ты?
Зовут тебя воспоминанья,
Иль новые влекут мечты?

На зеленъ пажитей небесных
Смотрю сквозь льдистое стекло.
Нечаянностей нет прелестных,
К которым некогда влекло.

О, солнце, ты ведь не устало . . .
Подольше свет на землю лей.
Как пламя прежде клокотало!
Теперь ровнее и теплей.

Тепло волнами подымаясь,
Так радостно крылит мне грудь, —
Что благодарно удивляясь,
Боюсь на грудь свою взглянуть.

Все кажется, что вот наружу
Воочию зардеет ток,
Как рдеет в утреннюю стужу
Зимою русскою восток.

Еще волна, еще румянец . . .
Раскройся грудь! Сияй, сияй!
О, теплых роз святой багрянец,
Спокойный и тревожный рай!

1916

По прежнему воздух душист и прост,
По прежнему в небе повешен мост,
Когда же кончится постылый пост?

Когда же по прежнему пойдём домой?
Когда успокоимся, милый мой?
Как жались мы тесно жалкой зимой!

Как стыла и ныла покорная кровь!
Как удивленно хмурилась бровь!
И теплилась только наша любовь.

Только и есть теперь одни мечты,
Только и есть теперь Бог, да ты,
Да маленький месяц с желтой высоты.

Месяц квадратит книги, да пол,
Ты улыбнешься, опершись на стол . . .
Какую сладкую пустыню я нашел!

1920

Это все про настоящее, дружок,
Про теперешнее время говорю.
С неба свесился охотничий рожок,
У окна я, что на угольях горю, —
Посмотреть бы на китайскую зарю,
Выйти вместе на росистый на лужок,
Чтобы ветер свежий щеки нам обжег!

Медью блещет океанский пароход.
Край далекий, новых путников встречай!
Муравейником черно кишит народ,
В фонарях пестрит диковинный Шанхай.
Янтареет в завитках душистых чай . . .
Розу неба чертит ласточек полет,
Хрусталем дрожит дорожный table d'hôte.

Тучкой перистою плавятся мечты,
Неподвижные, воздушны и легки,
В тонком золоте дрожащей высоты,
Словно заводи болотистой реки. —
Теплота святой, невидимой руки
Из приснившейся ведет нас пустоты
К странным пристаням, где живы я, да ты.

1920

СМЕРТЬ

В крещенски голубую прорубь
Мелькнул души молочный голубь.

Взволненный, долгий сердца вздох,
Его поймать успел ли Бог?

Испуганною трясогузкой
Прорыв перелетаю узкий.

Своей шарахнусь черноты . . .
Верчу глазами: где же ты?

Зовет бывалое влеченье,
Труда тяжеле облегченье.

В летучем, без теней, огне
Пустынно и привольно мне!

1917

Унылый дух от'иди!
Ты, праздность, улетай!
И в здешней Фиваиде
Найдем утешный край.

„Вы — дети не изгнанья!“
Прокликал Параклит
И радостное зданье
Построить нам велит.

Пологие ступени
К прозрачным воротам.
Внизу что значат тени,
Узнаешь зорко „там“.

И зори, и зарницы, —
Предвосхищенья слав, —
Зачем же сумрак снится,
Сиянью отослав?

Легчи мне душу, Отче,
И окрыли персты:
Ведь я же — Божий зодчий,
Как приказал мне ты.

1916

II

ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий,
На желтом небе золотой вулкан.
Как блюдечко природу странно узит!
Но новый трепет мелкой рябью дан.
Как облаков продолжных паутинки
Пронзает солнце с муравьиный глаз,
А птицы-рыбы, черные чайники,
Чертят лазури зыблемый топаз!
Весенний мир вместится в малом мире:
Запахнут миндали, затрубит рог,
И весь залив, хоть будь он вдвое шире,
Фарфоровый обнимет ободок.
Но ветка неожиданной мимозы,
Рассекши небеса, легла на них, —
Так на страницах философской прозы
Порою заблестит влюбленный стих.

1917

Далеки от родного шума
Песчинки на башмаках.
Фиалки в петлице у грума
Пахнут о дальних лугах.

И в стриженной пыльной аллее,
Вспоминая о волбном дне,
Все предсмертнее, все нежнее
Лиловеют на синем сукне.

1914

Тени косыми углами
Побежали на острова,
Пахнет плохими духами
Скошенная трава.

Жар был с утра неистов,
День, отдуваясь, лег.
Компания лицеистов,
Две дамы и котелок.

Мелкая оспа пота —
В шею нельзя целовать.
Кому же кого охота
В жаркую звать кровать?

Тенор, толст и печален,
Вздыхает: „я ждать устал“!
Над крышей дырявых купален
Простенки́й месяц встал.

1914

Расцвели на зонтиках розы,
А пахнут они „fol agôte“...
В такой день стихов от прозы
Мы, право, не разберем.
Синий, как хвост павлина,
Шелковый медлит жакет
И с мостика вся долина —
Королевски-сельский паркет.
Удивленно обижены пчелы,
Щегленок и чиж пристыжен,
И вторят рулады фонолы
Флиртовому поветрию жен.
На теннисе лишь рубашки
Мелко белеют вскачъ,
Будто лилии и ромашки
Невидный бросают мяч.

1914

Всю тину вод приподнял сад,
Как логовище бегемота,
И летаргический каскад
Чуть каплет в глохлые болота.
Расставя лапы в небо, ель
Картонно ветра ждет, но даром!
Закатно-розовый кисель
Ползет по торфяным угарам.
Лягушке лень профлейтить „квак“,
Лишь грузно шлепается в лужу
И не представит мне никак
Вот тут рождественскую стужу.
Не наше небо . . . нет. Иду
Сквозь сетку липких паутинок . . .
Всю эту мертвую страду
И солнце, как жерло в аду,
Индус в буддическом бреду
Придумал, а не русский инок!

1914

ПЕЙЗАЖ ГОГЭНА (ВТОРОЙ)

Тягостен вечер в Июле,
Млеет морская медь . . .
Красное дно кастрюли,
Полно тебе блестеть!
Спряталась паучиха.
Облако складки мнет.
Песок золотится тихо,
Словно застывший мед.
Винно-лиловые грозди
Спустит небес лоза.
В выси мохнатые гвозди
Нам просверлят глаза.
Густо алеют губы,
Целуют, что овода.
Хриплы пастушьи трубы,
Блеют в разброд стада.

Скатилась звезда лилово . . .
В траве стрекозиный гром.
Все для любви готово,
Грузно качнулся паром.

1916

АНТИЧНАЯ ПЕЧАЛЬ

Смолистый запах загородью тесен,
В заливе сгинул зеленистый рог,
И так задумчиво тяжеловесен
В морские норы nereid нырок!
Назойливо сладелая фиалка
Свой запах тычет, как слепец костыль,
И волны полые лениво-валко
Переливают в пустоту бутыль.
Чернильных рощ в лакричном небе ровно
Ряды унылые во сне задумались.
Сова в дупле протяжно воет, словно
Взгрустнулось грекам о чухонском Юмале.

1917

МОРЕХОД НА СУШЕ

Курятся, крутят роцъ отроги,
Синеются в сиянби дня,
И стрелы летнего огня
Так упоительно не строги!
Прозрачно розовеют пятки
Проворных нимф на небесах.
В курчавых скрытые лесах,
Кукушки заиграли в прятки.
И только снится иногда
Шатанбе накретенных палуб:
Ведь путевых не надо жалоб,
Коль суша под ногой тверда.

1917

БЕЛАЯ НОЧЬ

Загоризонтное светило
И звуков звучное отсутствие
Зеркальной зеленью пронзило
Остекляненное предчувствие.
И дремлет медленная воля, —
Секунды навсегда отстукала —
Небесно-палевое поле —
Подземного приемник купола,
Глядит, невидящее око,
В стоячем и прозрачном мреяньи.
И только за небом, высоко,
Дрожит эфирной жизни веянье.

1917

ПЕРСИДСКИЙ ВЕЧЕР

Смотрю на зимние горы я:
Как простые столы они просты.
Разостлались ало-золотоперые
По небу заревые хвосты.
Взлетишь стада фазаньего,
Хорасанских, шахских охот!
Бог дает, — примем же дань Его,
Как принимаем и день забот.
Не плачь о тленном величии,
Ширь глаза на шелковый блеск.
Все трещотки и трубы птичьи
Перецокает соловьиный треск!

1917

ХОДОВЕЦКИЙ

Наверно, нежный Ходовецкий
Гравировал мои мечты:
И этот сад полунемецкий,
И сельский дом, немного детский,
И барбарисные кусты.

Пролился дождь; воздушны мысли.
Из окон рокот ровных гамм.
Душа стремится (вдаль-ли? ввысь-ли?)
А капли на листьях повисли
И по карнизу птичий гам.

Гроза стихает за холмами,
Ей отвечает в роще рог,
И дядя с круглыми очками
Уж наклоняет над цветами,
В цветах невиданных шлафрок.

И радуга, и мост, и всадник, —
Все видится мне без конца:
Как блещет мокрый палисадник,
Как ловит на лугу лошатник
Отбившегося жеребца.

Кто приезжает? кто отбудет?
Но мальчик вышел на крыльцо.
Об ужине он позабудет,
А теплый ветер долго будет
Ласкать открытое лицо.

1916

III
ДНИ И ЛИЦА

ПУШКИН

Он жив! у всех душа нетленна,
Но он особенно живет!
Благоговейно и блаженно
Вкушаем вечной жизни мед.
Пленительны и полнозвучны,
Текут родимые слова...
Как наши выдумки докучны
И новизна как не нова!
Но в совершенства хладный камень,
Его черты нельзя замкнуть:
Бежит, горя, летучий пламень,
Взволнованно вздымая грудь.
Он — жрец и он веселый малый,
Пророк и страстный человек,
Но в смене чувства небывалой
К одной черте направлен бег.
Москва и лик Петра победный,
Деревня, Моцарт и Жуан,

И мрачный Герман, Всадник Медный
И наше солнце, наш туман!
Романтик, классик, старый, новый?
Он — Пушкин и бессмертен он!
К чему же школьные оковы
Тому, кто сам себе закон?
Из стран, откуда нет возврата,
Через года он бросил мост,
И если в нем признаем брата,
Он не обидится: он — прост
И он живой. Живая шутка
Живит арапские уста,
И смех, и звон, и прибаутка
Влекут в бывалые места.
Так полон голос милой жизни,
Такою прелестью живим,
Что слышим мы в печальной тризне
Дыханье светлых именин.

1921

ГЕТЕ

Я не брошу метафоре:

„Ты — выдумка дикаря Патагонца“,
Когда на памяти, в придворном шлафоре
По Веймару разгуливало солнце.

Лучи свои спрятало в лысину
И скромно назвалось Geheimrath'ом,
Но ведь из сердца не выкинуть,
Что он был лучезарным и великим братом.

Кому же и быть тайным советником,
Как не старому Волфгангу Гете?

Спрятавшись за орешником,
На него почтительно указывают дети.

Конечно, слабость: старческий розариум,
Под семидесятилетним плащем Лизетта,

Но все настоящее в немецкой жизни — лишь
комментарий,

Может быть, к одной только строке поэта.

1916

ЛЕРМОНТОВУ

С одной мечтой в упрямом взоре,
На Божьем свете не жилец,
Ты сам — и Демон, и Печорин,
И беглый, горестный чернец.

Ты с малых лет стоял у двери,
Твердя: „нет, нет, я уйду.“
Стремясь и к первобытной вере
И к романтичному ножу.

К земле и людям равнодушен,
Привязан к выбранной судьбе,
Одной тоске своей послушен,
Ты миру чужд, и мир — тебе.

Ты страсть мечтал необычайной,
Но ах, как прост о ней рассказ!
Пленился ты Кавказа тайной, —
Могилой стал тебе Кавказ.

И Божьи радости мелькнули,
Как сон, как снежная мятель...
Ты выбираешь — что? две пули,
Да пошловатую дуэль.

Поклонник демонского жара,
Ты детский вызов слал Творцу.
Россия, милая Тамара,
Не верь печальному певцу.

В лазури бледной он узнает,
Что был лишь начат долгий путь.
Ведь часто и дитя кусает
Кормящую его же грудь.

1916

САПУНОВУ

Храня так весело, так вольно
Закон святого ремесла,
Ты плыл бездумно, плыл безбольно,
Куда судьба тебя несла.

Не знал, другая цель нужна ли,
Как ярче сделать завиток,
Но за тебя другие знали,
Как скромный жребий твой высок.

Всегда веселое горенье
И строгость праздного мазка,
То в пестроте уединенья,
То в грусти шумной кабака.

Всегда готов, под мышки ящик,
Дворец раскрасить, иль подвал,
Пока иной, без слов, заказчик
От нас тебя не отозвал.

Наверно знал ты, не гадая,
Какой отмечен ты судьбой,
Что нестерпимо голубая
Кулиса красилась тобой.

Сказал: „я не умею плавать“
И вот отплыл плохой пловец
Туда, где уж сплетала слава
Тебе лазоревый венец.

1914

Т. П. КАРСАВИНОЙ

Пол неба в улице далекой
Болото зорь заволокло,
Лишь конькобежец одинокий
Чертит озерное стекло.
Капризны беглые зигзаги:
Еще полет, один, другой...
Как острием алмазной шпаги
Прорезан вензель дорогой.
В холодном зареве, не так ли,
И Вы ведете свой узор,
Когда в блистательном спектакле
У Ваших ног — малейший взор?
Вы — Коломбина, Саломея,
Вы каждый раз уже не та,
Но все яснее пламенея,
Златится слово „красота“.

1914

„ШВЕДСКИЕ ПЕРЧАТКИ“

Картины, лица — бегло-кратки,
Влюбленный вздох, не страстный крик,
Лишь запах замшевой перчатки,
Да на футбольной на площадке
Полу дитя, полу старик.

Как запах городских акаций
Напомнит странно дальний луг,
Так между пыльных декораций
Мелькнет нам дядя Бонифаций,
Как неизменный, детский друг.

Пусть веет пудрой по уборным
(О, дядя мудрый, не покинь!)
Но с послушаньем непокорным
Ты улыбнешься самым вздорным
Из кукольнейших героинь.

И надо всем, как ветер Вильны,
Лукавства вешнего полет.
Протрелит смех не слишком сильно
И на реснице вдруг умильно
Слеза веселая блеснет.

А. М. Кожебашкину

IV

СВ. ГЕОРГИЙ
(КАНТАТА)

Пеной
Персеев конь
у плоских приморий
белеет, взмылясь...
Георгий!

Слепя, взлетает
облаком снежным,
окрылив Гермесов петаз
и медяные ноги...
Георгий!

Гаргарийских гор эхо
Адонийски вторит
серебра ударам,
чешуй победитель,
Георгий!

Мыться ли вышла царева дочь?
мыть ли белбе, портомоя странная?
В небе янтарном вздыбилась ночь.
Загородь с моря плывет туманная.

Как же окованной мыть порты?
Цепи тягчат твое тело нежное...
В гулком безлюдьи морской черноты
Плачет царевна, что чайка снежная.

— Прощай, отец родимый,
прощай, родная мать!
По зелени любимой
мне не дано гулять!

И облака на небе
не буду я следить:
мне выпал горький жребий —
за город смерть вкусить.

Девичьего укора
не слышать никогда.
Вкушу, вторая Кора,
гранатова плода.

Рожденью Прозерпины
весною дан возврат,
а я, не зная кончины,
схожу в печальный ад!

Боги, во сне ли?
Мерзкий
выползок бездны на плоской мели,
мирней
свернувшейся рыбы
блестит в полумраке чешуйшатою глыбой
змей...

Сонная слюна
медленным ядом
синее меж редких зубов.
Мягким, сетчатым задом
подымая бескостный хребет,
ползет,
словно оставаясь на месте,
к обреченной невесте.
Руки прикрыть не могут стыд,
стоит,
не в силах охатъ...
По гаду похоть,
не спеша, как обруч,
проталкивается от головы к хвосту.
Золотой разметался волос,
испуганный голос
по девьи звенит в темноту:
— Ты думаешь: я — Пасифая,
любовница чудищ?
Я — простая
девушка, не знавшая мужьего ложа,

почти без имени,
даже не Андромеда!
Ну что же!
Жри меня, —
жалкая в том победа! —
Смерть разжалобить трудно,
царевна, даже Орфею,
а слова непонятны и чудны
змею,
как саранче паруса.
Напрасно твоя коса
золотом мреет,
розою щеки млеют
и забыла гвоздика свои лепестки
на выгибе девьих уст, —
гибель,
костный хруст,
пакостной мякоти чавканье,
(ненавистный, думаешь, брак?)
сопенье, хрип и храп,
пенной вонь слюны,
зубов щелк,
и гибель, гибель, гибель
волочет тебе враг!
Вислое брюхо сосцато
поднялось...
— Ослепите, ослепите,
боги, меня!

Обратно возьмите
ужасный разум!
Где вы? где вы?
где ты, Персей?
Спите?
Не слышите бедной девы?!
Нагая, одна,
скована...
Разите разом,
топором,
как овна.
Скорей,
Зевс,
гром!!!
Пепели, пепели!
Как Семела,
пуская пылаю,
но не так
подло,
беззащитно,
одинокко,
как скот,
дохну!!! —

Мягко на грудь вскочила жаба
лягушечьи-нежная гада лапа...
Пасти вихрь свистный
близкой спицей

колет ухо...

Молчит, нос отвернув

Дальше от брюха.

— В вечернем небе широкая птица
реет, — верно, орел. —

Между ног бесстыдно и склизко
пополз к спине хвост...

— О-о-о!!!

Богов нет!

Богинь нет!

(Камнем эхо — „нет!“)

Кто-нибудь, кто-нибудь!

Небо, море,

Хлыньте, прикройте!

Горе!

Не дайте зверю!

Гад, гад, гад!

Проснитесь!

Слушай, орел, —

свидетель единственный, —

я верю (гибель — залогом)

верю:

спустится витязь

таинственный,

он же меня спасет.

Молюсь тебе, неведомый,

зову тебя, незнаемый,

спаси меня, трисолнечный,
моря белого белый конник!!!
Алилуйя, алилуйя,
помилуй мя. —

Глаза завела,
замерла

предсмертно и горько.

Жилы — что струны.

Вдруг

остановился ползучий холод

— Откраснела за мысом зорька —

Смерть?

Снова алеет твердь...

(Сердце, как молот,

кузнечным мехом: —

тук!)

разгорается свет

сверху, не с горизонта,

сильней, скоро брызнет

смехом.

Свету навстречу встает другая пена понта...

Жизни...

отлетающей жизни вестник? —

Герой моленый?

Змей, деву оставив, пыхает на небо...

Смотрят оба,

как из мокрого гроба.

Серебряной тучей

трубчатый хвост
закрывает янтарное небо
(золотые павлины!)
наверху раскинулись задние ноги,
внизу копья длинная искра...
быстро,
кометой,
пущенной с небесной горы,
алмазной лавиной...
шесть ног,
грива,
хвост, шлем,
отрочий лик,
одежды складки
с шумом голубино-сладким
прядают, прядают!..
Четыре копыта прямо врылись в песок.
Всадник встал в стремях, юн и высок.

На месте пустом,
на небесное глядя тело
(веря, не верит,
не веря, верит)
пророчески руки раскинув крестом,
онемела.

Ржанье — бою труба!
золотой облак

закрывает глаза,
иногда разверзаясь молнией, —
уши наполнены
свистом, хрипом,
сопением диким,
ржаньем, бряцаньем,
лязгом.

Трёмбово, трёмбово
табабит копытом конь —
Тра-ра —
комкает, комкает
узорной узды узел...
Тра-ра!

Стрел
лет —
глаз
взгляд.

Радугой реет радостный рай
Трубит ангел в рожок тра-рай!
И вот,
словно вдребезги разбили
все цепочки, подвески, звезды
стеклянные, золотые, медные
на рясном кадиле, —
последний треск, —
треснула бездна,

лопнуло небо,
и ящер
отвалился, шатаясь,
и набок лег спокойно,
как мирно почивший пращур.

— Не светлый ли облак тебя принес? —
— Меня прислал Господь Христос,

Послал Христос, тебя любя. —
— Неужели Христос прекрасней тебя? —

— Всего на свете прекрасней Христос,
И Божий цвет — душистее роз. —

— Там я — твоя Гайя, где ты — мой Гай,
В твой сокровенный пойду я рай! —

— Там ты — моя Гайя, где я — твой Гай,
В мой сокровенный вниди рай! —

— Глаза твои, милый, — солнца мечи,
Святой науке меня учи!

— Верной вере откройся ухо,
Во имя Отца и Сына и Святого Духа! —

— Верной вере открыто ухо
Во имя Отца и Сына и Святого Духа! —

— Чистые души — Господу дань.
Царевна сладчайшая, невестой встань! —

— Бедная дева, верой слаба,
Вечно буду тебе раба! —

Светлое, трисолнечного света зеркало,
Ты, в котором благодать промерцала,
Белый Георгий!

Чудищ морских вечный победитель,
Пленников бедных освободитель,
Белый Георгий!

Сладчайший Георгий,
Победительнейший Георгий,
Краснейший Георгий,
Слава тебе!

Троице Святой слава,
Богородице Непорочной слава,
Святому Георгию слава
И царевне присновоспоминаемой слава.

V

СОФИА

ГНОСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1917—1918)

СОФИЯ

В золоченой углой лодке
По зеленому пространству,
По лазури изумрудной
Я ждала желанных странствий.
И шафранно-алый парус
Я поставила по ветру,
У кормы я прикрепила
Вешний пух пушистой вербы.
На расплавленном просторе —
Благостно и светозарно,
Но одна я в легкой лодке:
Сестры, братья — все попарно.
На престоле семистолбном
Я, как яхонт, пламенела
И хотеньем бесхотенным
О Тебе, Христос, хотела!
Говорила: „беззаконно
Заковать законом душу,
Самовольно ли, невольнo-ль,
А запрет любви нарушу!“

Расковались, оборвались
Златокованны цепочки . . .
Неужель, Отец, не вспомнишь
О своей любимой дочке?
Солнце вверх летит, что мячик . . .
Сердцем быстрым холодею . . .
Ниже, ниже . . . видны горы . . .
Тяжелею, тяжелею . . .
Прорасту теперь травой,
Запою водой нагорной,
И немеркнувшее тело
Омрачу землею черной.
Вот, дышу, жених, и помню
Про селения благие,
Я, распятая невеста,
А зовут меня — София!

БАЗИЛИД

Даже лошади стали мне слонов огромней!
Чепраки ассирийские давят
Вспененных боков ущелья,
Ужасен зубов оскал! . . .
И ливийских солдат веселье,
Что трубой и горлами вождя славят,
Тяжело мне,
Как груз сплющенных скал.
Я знаю, что был Гомер,
Елена и павшая Троя.
Герои
Жрали и дрались
И по радуге боги спускались . . .
Муза, музища
Плоской ступней шагала,
Говоря во все горло . . .
Милая Музенька
Пальчиком стерла
Допотопные начала.

Солнце, ты не гори:
Это ужасно грубо,
— Только зари, зари —
Шепчут пересохшие губы, —
Осенней зари полоской узенькой!

Сегодня странный день.
Конечно, я чужд суеверий,
Но эта лиловая тень,
Эти закрытые двери!
Куда деваться от зноя?
Я бы себя утопил . . .
(Смерть Антиноя!)
Но ужасно далеко Нил.
Здесь в саду
Вырыть прудок!
Будет не очень глубок,
Но я к нему приду.
Загородиться ото всего стеною!
Жизнь, как легкий из ноздрей дымок,
Голубок,
Вдали мелькнувший.
Неужели так и скажут: „умер“?
Я никогда не думал,
Что улыбку променяю на смех и плач.
Мне противны даже дети,
Что слишком шумно бросают мяч.

Я не боролся,
Был слаб,
Мои руки — плети,
Как неграмотный раб
Слушал набор напыщенных междометий.
И вдруг
Мимо воли, мимо желаний,
Разверзся невиданных зданий
Светозарный ряд,
Из бледности пламя исторг.
Глашатаем стал бородатый бродяга,
И знание выше знаний,
Чище любви любовь,
Сила силы сильнейшая,
Восторг, —
Как шар,
Кругло, круто,
Кричаще, кипяще
Кудесно меня наполнили.

Эон, Эон, Плэрома,
Плэрома — Полнота,
До домного до дома,
До тронного до трона,
До звона, громозвона
Ширяй, души душа!
Сила! Сила! Сила!
Напряженные мышцы плети!

Громче кричите, дети,
Красный бросая мяч!
Узнал я и смех и плач!
Что Гомер?
Сильней лошадей, солдат, солнца, смерти
и Нила, —

Семи небесных сфер
Кристалльная гармония меня оглушила.

Тимпан, воркуй!

Труба, играй!

Вой, бей!

Вихрь голубей!

Орлов клекот!

Стон лебедей!

Дух, рей,

вей, вей,

Дверей

Райских рай!

Рай, рай!

В руке у меня был полированный камень,
Из него струился кровавый пламень,
И грубо было нацарапано слово: "Αβραζας."

ФАУСТИНА

Серебристым рыба махнула хвостом,
Звезда зажелтела в небе пустом —
О, Фаустина!

Все ближе маяк, темен и горд,
Все тише вода плещет об борт —
Тянется тина . . .

Отбившийся сел на руль мотылек . . .
Как день свиданья от нас далек!
Тень Палатина!

Ветром запах резеды принесло.
В розовых брызгах мое весло.
О, Фаустина!

УЧИТЕЛЬ

Разве по ристалищам бродят учителя?
Разве не живут они в безмятежной обители?
(Голубой, голубой хитон!)
Хотите ли воскресить меня, хотите ли
Убить, уста, что покой похитили?
(И никто не знает, откуда он.)

Мало ли прошло дней, много ли
С того, как его пальцы мои трогали?
(Голубой, голубой хитон!)
С каких пор мудрецы причесываются, как щеголи?
В желтом сиянии передо мной не дорога ли?
(И никто не знает, откуда он.)

Полированные приравняю ногти к ониксу —
Ах, с жемчужною этот ворот прѣнизью . . .
(Голубой, голубой хитон!)

Казалось, весь цирк сверху донизу
Навстречу новому вздрогнул Адонису.
(И никто не знает, откуда он.)

Из Вифинии донеслось дыхание,
Ангельские прошелестели лобзания.
Разве теперь весеннее солнцестояние?

ШАГИ

Твои шаги в затворенном саду
И голос горлицы загорной: „я приду!“
Прямые гряды гиацинтов сладки!
Но новый рой уже ищет новой матки,
И режет свежую пастух дуду.

В пророческом кружится дух бреду,
Кадилами священной лихорадки
И шелестят в воздушном вихре схватки
Твои шаги.

Так верится в томительном аду,
Что на пороге прах пустынь найду!
Полы порфирные зеркально гладки . . .
Несут все радуги и все разгадки
Созревшему, прозрачному плоду
Твои шаги.

МУЧЕНИК

Сумеречный, подозрительный час . . .
Двусмысленны все слова,
Круги плывут по воде! —
Не святой ли это рассказ?
Отчего же так горит голова,
Чуя „быть беде“!
Варварское и нежное имя, —
Я не слышал такого . . .
Оно пахнет медом и хлебом . . .
В великом Риме
Не видали такого святого
Под апостольским небом!

РЫБА

Умилбно сидеть возле
Учительной руки!
— Рыбачат на плоском озере
Еврейские рыбаки.
Ползут облака снѣгово —
— Хлеба то взяли? Эй! —
Над заштопанным неводом
Наклонился Андрей.
Читаем в затворенной комнате,
Сердце ждет чудес.
Вспомни, сынок, вспомни
Мелкий, песчаный лес.
Золотые полотнища спущены
(В сердце, в воде, в камыше?)
Чем рассудку темней и гуще,
Тем легче легкой душе.
Отчего в доме ветренно?
Отчего в ароматах соль?

Отчего, будто в час смертный,
Такая сладкая боль?
Ползут облака снѣгово . . .
По полотнищу вверх глянь, —
Играет серебряным неводом
Гольй Отрок, глаза — лань.
Наклоняется, подымается, бегаёт,
Круглится отрочески бедро.
Рядом — солнце, от жара белое,
Златодонное звонкое ведро.
Поймай, поймай! Благовестия
Самой немой из рыб.
Брошусь сам в твои сети я,
Воду веретеном взрыв!
Белое, снеговое сияние
Обвеваёт важно и шутя.
Ты мне брат, возлюбленный и няня,
Божественное Дитя.
Спадает с глаз короста,
Метелкой её отмести.
Неужели так детски просто
Душу свою спасти?
Все то же отцовское зало,
— Во сне ли, или грежу я? —
Мне на волосы с неба упала
Золотая, рыбья чешуя.

ГЕРМЕС

Водителем душ, Гермесом,
Ты перестал мне казаться,
Распростились с болотистым адом
И стал ты юношей милым.

Сядем

Над желтым, вечерним Нилом.
Ныряет двурогий месяц
В сетке акаций.

Твои щеки нежно пушисты,
Не нагладиться вдосталь!
— Чистым — все чисто, —
Помнишь, сказал Апостол?
В лугах заливных все темней,
Твой рот вишня, я — воробей.
В твоих губах не эхо ли
На каждый поцелуй?
Все лодочки уехали,
Мой милый, не тоскуй.

Все лодочки уехали
Туда, далеко, вдаль!
Одежда нам помеха ли?
Ужаль, ужаль, ужаль!
Но отчего этот синий свет?
Отчего этот знак на лбу?
Маленькие у ног трещоткой раскрылись крылья.
Где ты? здесь ли? нет?
Ужаса
Связал меня узел,
Напало бессилбе . . .
Снова дремлю в гробу . . .
Снова бледная лужица
(Выведи, выведи, водитель мой!)
Чахлый и томный лес . . .
(Ветер все лодки гонит домой)
Гермес, Гермес, Гермес!

Т. М. Персиц

VI

СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

(1919—1920)

ПЯТЬ

Веслом по прежнему причаль!
Не в Остии ли фонари?
Какая чахлая печаль
В разливах розовой зари!
А память сердцу все: „гори!“

Что ты, кормщик, смотришь с вышки?
Берег близок уж совсем.
Мы без карт и без систем
Все плывем без передышки.
Лишь предательские мышки
С обреченных прочь трирем.

Горит душа; горя, дрожит . . .
И ждет, что стукнет кто то в дверь
И луч зеленый побежит
Как и теперь, как и теперь . . .
А память шепчет: „друг, поверь.“

Лунный столб в воде дробится,
Пусто шарит по кустам . . .
Кто запекшимся устам
Из криницы даст напиток?
Пролетает грузно птица . . .
Мы увидимся лишь там! . . .

Я верю: день благословен!
Налей мне масла из лампад!
Какой молочный, сладкий плен!
О, мед несбывшихся услад!
А память мне: „Господень сад!“

Как болотисты равнины!
Ввется пенбе вдалеке . . .
В вечной памяти реке
То поминки, иль крестины?
Слышу руку Фаустины
В помертвелой я руке . . .

Господень сад, великий Рим,
К тебе вернусь опять!
К тебе мы, странники, горим,
Горим себя распять! . . .
А эхо шепчет: „пять!“

ОЗЕРО НЕМИ

Занерейдил ирис Неми,
Смарагдным градом прянет рай,
Но о надежде, не измене,
Зелено - серый серп, играй.

И словно лунный луч лукавы,
(Твой петел, Петр, еще не стих!)
Плывут гадателные славы
В пленительных полях твоих.

Сребристый стелет лен Селена
По влажным, топистым лугам . . .
Светло — болотистого плена
Тяжелый кружит фимиам.

Под кипарисами бездомно
Белеют мрамором гроба.
„Италия!“ темно и томно
Поет далекая труба.

СНЫ

— Спишь ли? — Сплю; а ты? — Молчи!

— Что там видно с каланчи?

— Византийская парча

Ниспадает со плеча. —

— Слышишь? — Сквозь густую лень

Звонко белый ржет олень.

И зелена, и волна,

Мнет волокна льна волна!

— Видишь? — вижу: вымпела

Нам мадонна привела.

Корабли, корабли

Из далекой из земли!

На высокое крыльцо

Покажи свое лицо.

Чтоб сподобиться венца,

Удостоиться конца,

Золотое брось кольцо.

СВ. МАРКО

Морское марево,
Золотое зарево,
Крась жарко
Узор глыб!
Святой Марко,
Святой Марко,
Пошли рыб!

ТРАЗИМЕНСКИЕ ТРОСТНИКИ

Затрепещут тразименские тростники, затрепещут
Как изменники,
Что болтливую болтовню тразболтали
У реки
О гибели прекрасной богини,
Не о смешной Мидасовых ушей тайне.
В стоячей тине
Они не знали,
Что румяная спит Фетида,
Не мертва, но покоится дремотно,
Ожидая золотого востока.
Мужественная дева воспрянет,
Протрет лавандовые очи,
Удивленно и зорко глянет
Сивиллой великого Буонаротта,
(Не напрасны были поруки!)

И озеро багряных поражений
Римскую медь воротит,
И трепетуны-тростники болтушки
Умолкнут
При возврате родимого солнца.

ВЕНЕЦИЯ

Обезьяна распростерла
Побрякушку над Ридотто,
Кристалличной сонатиной
Стонет дьявол из Казотта.
Синборина, что случилось?
Отчего вы так надуты?
Рассмешитесь: словно гуси,
Выступают две бауты.
Надушенные сонеты,
Мадригалы, триолеты,
Как из рога изобилья
Упадут к ногам Нинеты . . .
А Нинета в треуголке
С вырезным, лимонным лифом —
Обещающая и лукавая,
Смотрит выдуманным мифом.

Словно Тьеполо расплавил
Теплым облаком атласы...
На террасе Клеопатры
Золотеют ананасы.
Кофей стынет, тонкий месяц
В небе лодочкой ныряет,
Под стрекозьи серенады
Сердце легкое зевает.
Треск цехинов, смех проезжих,
Трепет свечи нагоревшей.
Не брэнча стряхает полночь
Блестки с шали надоевшей.
Молоточки бьют часочки...
Нина — розочка, не роза...
И секретно, и любовно
Тараторит Чимароза.

ЭНЕИ

Нагая юность с зеркалом в руке
Зеленые заливы отражает,
Недвижной пикой змея поражает
Золотокудрый рыцарь вдалеке.
И медью пышат римские законы
В дымах прощальных пламенной Дидоны.

Какие пристани, Эней, Эней,
Найдешь ты взором пристально — прилежным
С каким товарищем, бродягой нежным,
Взмутишь голубизну седых морей?
Забудешь ты пылающую Трою,
И скажешь „город на крови построю“.

Всегда ограда — кровь, свобода — зверь.
Ты — властелин, так запасись уздою,
Железною ведешься ты звездой,
Но до конца звезде своей поверь.
Смотри, как просты и квадратны лица, —
Вскормила их в горах твоя волчица.

И обречен неколебимой доле,
Мечта бездомников — домашний гусь,
(Когда, о родичи, я к вам вернусь?)
Хранит ново́рожденный Капитолий.
Пожатые за рубежом в битве рук
Сильней пурпурных с подписью порук.

Спинной хребет согнулся и ослаб
Над грудой чужеземного богатства, —
Воспоминание мужского братства
В глазах тиранов, юношей и пап.
И в распыленном золоте тумана
Звучит трубой лучистой: „Рах готана“.

АМУР И НЕВИННОСТЬ

(Аллегория со свадебного сундука)

Невинность: Не учи в ручей подругу
Ловить радуги дугу!
По зеленому по лугу
Я бегу, бегу, бегу!

Амур: Охотник, метко целю в дичь,
Стрелок крылатый я.
Откуда ты, куда бежишь, —
Ты все равно — моя.

Невинность: Ты ль меня предашь испугу?
Не поддамся хвастуну.
Ты — стрелок, а я кольчугу —
Свои косы протяну.

Амур: Бесцельно убегаешь стел.
Плетешь по детски речь.
Никто не мог, никто не смел
От стрел себя сберечь.

Невинность: Свой букварь забросил школьник,
Мух пугает по лесам.
Ах, как страшно, ах, как больно!
Не бежать ли вздумал сам?

Амур: Пряма стрела, натянут лук,
Кручена тетива.
Не убежишь желанных рук,
Помнется мурава.

Невинность: Мой младенец просит соски?
Подбородок не колюч.
Сундучка красивы доски,
Но прибрать — задача — ключ.

Амур: Замкнешь, — я отомкну замок,
Бежишь — я нагоню, —
Ведь снег противиться не мог
Весеннему огню.

Невинность: Оступилась, ах, упала!
Закружился луг пестро...
Сладко радугу поймала
В золоченое ведро.

АССИЗИ

Месяц молочный спустился так низко,
Словно рукой его можно достать.
Цветики милые братца Франциска,
Где же вам иначе расцветать?
Умбрия, матерь задумчивых далей,
Ангелы лучшей страны не видали.

В говоре птичьем — высокие вести,
В небе разводы павлинья пера.
Верится вновь вечеровой невесте
Тень Благовещенья в те вечера.
Лепет легчайший — Господне веленье —
Льетса в разнеженном благоволеньи.

На ночь ларьки запирают торговцы,
Сонно трубит с холма пастух,
Блея, бредут запыленные овцы,
Розовый час, золотея, потух.
Тонко и редко поет колокольня:
„В небе привольнее, в небе безбольней.“

Сестры сребристые, быстрые реки,
В лодке зеленой сестрица луна,
Кто вас узнал, не забудет во веки, —
Вечным томленьем душа полна.
Сердцу приснилось преддверие рая, —
Родина всем умиленным вторая!

РАВЕННА

Меж сосен сонная Равенна,
О, черный, золоченый сон!
Ты и блаженна, и нетленна,
Как византийский небосклон.
С вечерних гор, далекий звон
Благовестит „Благословенна.“

Зарница отшумевшей мощи,
Еле колеблемая медь,
Ты бережешь святые мощи,
Чтоб дольше, дольше не мертветь,
И ветер медлит прошуметь
В раздолиях прибрежной рощи.

Изгнанница, открыла двери,
Дала изгнанникам приют,
И строфы Данте Алигьери
О славном времени поют,
Когда вились поверх кают
Аллегорические звери.

Восторженного патриота
Загробная вернет ли тень?
Забыта пестрая забота,
Лениво поплывает день,
На побледневшую ступень
Легла прозрачная дремота.

Не умели, но жить устали,
И ждет умолкнувший амвон,
Что пробудившихся Италий
Завееет вещей аквилон,
И строго ступят из икон
Аполлинарий и Виталий.

Мою любовь, мои томленья
В тебе мне легче вспоминать,
Пусть глубже, глуше что ни день я
В пучине должен утопать, —
К тебе, о золотая мать,
Прильну в минуту воскресенья!

ИТАЛИЯ

Ворожея зыбей зеленых,
О, первозданная краса,
В какую сеть твоя коса
Паломников влечет спасенных,
Вновь умиленных,
Вновь влюбленных
В твои былые чудеса?

Твой рокот заревой, сирена,
В янтарной роще Гесперид
Вновь мореходам говорит:
„Забудьте, други, косность тлена.
Вдали от плена
Лепечет пена
И золото богов горит.“

Ладья безвольная пристала
К костру неопалимых слав.
И пениться, струя, устав,
У ног богини замолчала.
Легко и ало
Вонзилось жало
Твоих пленительных отрав.

Ежеминуто умирая
Увижу ль, беглый Арион,
Твой важный и воздушный сон,
Италия, о мать вторая?
Внемлю я, тая,
Любовь святая,
Далеким зовам влажных лон.

Сонамбулически застыли
Полуоткрытые глаза...
— Гудит подземная гроза
И крылья сердца глухо взвыли, —
И вдруг: не ты ли?
В лазурной пыли —
Отяжеленная лоза.

VII
С Н Ы

А Д А М

В осеннем кабинете
Так пусто и бедно
И, радужно на свете
Дробясь, горит окно.
Под колпаком стеклянным
Игрушка там видна:
За ограждением странным
Мужчина и жена.
У них есть ручки, ножки,
Сосочки на груди,
Вокруг летают мошки,
Дубочек посреди.
Выводит свет, уводит
Пигмейская заря,
И голый франтик ходит
С осанкою царя.
Жена льняные косы,
Что куколка, плетет,
А бабочки и осы
Танцуют хоровод.
Из-за опушки козы
Подходят, не страшась,

И маленькіе розы
Румяно вяжут вязь.
Тут, опершись на кочку,
Устало муж прилег,
А на стволе дубочка
Пред дамой — червячок.
Их разгово́р не слышен,
Но жар у ней в глазах, —
Вдруг золотист и пышен
Круглится плод в руках.
Готова на уступки...
Как любопытен вкус!
Блеснули мелко зубки...
О, жи́цы надкус!
Колбля звонко колбу,
Как пузырек рекой,
Адам ударил по лбу
Малюсенкой рукой!
— Ах, Ева, Ева, Ева!
О, иску́ситель змей!
Страши́сь Иеговы гнева,
Из фиги фартук шей! —
Шипящим тут зигзагом
Вдруг фосфор разлиловел...
И расчертился магом
Очерченный предел.
Сине плывут осколки,
Ко́житя листва...

От дыма книги, полки
Ты различишь едва...
Стеклом хрусталят стоны
Как стон, хрустит стекло...
Все — небо, эмбрионы
Канавкой утекло.
По прежнему червонцем
Играет край багет,
Пылится острым солнцем
Осенний кабинет.
Духами нежно веет
Невысохший флакон...
Вдали хрустально реет
Протяжный, тонкий стон.
О, маленькие душики!
А мы, а мы, а мы?!
Летучие игрушки
Непробужденной тьмы.

ОЗЕРО

В душе журавлино просто,
Чаша налита молоком сверх меры...
Вдоль плоских полотнищ реки
Ломко стоят тростники
Выше лошадиного роста,
Шурша как из бус портверы.
Месяц (всегда зтот месяц!) повис
Рожками вниз,
Как таинственный мага брелок...
Все кажется, где-то караулит — лежит
(В траве, за стволами раки?)
Стрелок.
Подхожу к самой воде...
Это — длинное озеро, не река. —
Розовые, голубые лужицы.
Ястреб медленно кружится,
И лоб трет рука:
„Где, где?“
Лодка, привязанная слабо,
Тихонько скрипит уключинами.

Птицы улетели в гнезда.
Одинокó свирелит жаба.
Милыми глазами замученными
Лиловеют звезды.
Кажется, никогда не пропоет почтовый рожок,
Никогда не поднимется пыль,
Мимо никакой не лежит дороги.
И болотный лужок
Ничьи не топтали ноги.
Прозрачный, фиалковый сон,
Жидкого фосфора мреянбе,
Веянбе
Невечернего света
Топит зарей небосклон.
Тростник все реже,
Все ниже.
Где же, где же,
Я все это видел?

Журавлино в сердце просто,
Мысли так покорно кротки,
Предо мной стоит подросток
В голубой косоворотке.

Высоко застегнут ворот
И худые ноги босы...
Сон мой сладостно распорот
Взглядом глаз его раскосых.

За покатыми плечами
Золоченый самострел,
Неуместными речами
Дух смущаться не посмел.
Молча на него смотрел,
А закат едва горел
За озерными холмами.

Наконец
Будто не он,
А воздух
Звонким албом
Колеблясь побежал:
„Червонный чернец
Ответа ждал
О том,
Где венец,
Где отдых?
Я — встречный отрок,
Меня не минуешь,
Но не здесь, а там
Все узнаешь
О чуде,
О том, где обетный край. —
Я молчал,
Все молчало,
При лиловой звезде,
Но сердце дрожало:

— Где?“
Косил, косил
Неподвижно зеленым глазом...
— Там живут блаженные люди! —
И указал
(Вдруг такую желанною,
Что только бы ее целовать,
Целовать и плакать)
Рукою
На еле-освещенный зарею
На далеком холме
Красный, кирпичный сарай.

1920

ПЕЩНОЙ ОТРОК

Дай вспомнить, Боже! научи
Узреть нетленными очами,
Как отрок в огненной печи
Цветет аврорными лучами.
Эфир дрожащий, что роса,
Повис воронкою воздушной
И ангельские голоса
В душе свиваются послушной.
Пади, Ваал! пади, Ваал!
Расплавленной медью тресни!
Лугов прохладных я искал —
Но жгучий луг — еще прелестней.
Огонь мой пламенную печь
В озерную остудит влагу.
На уголья велишь мне лечь —
На розы росные возлягу.
Чем гуще дымы — легче дух,
Оковы — призрачны и лживы.
И рухнет идол, слеп и глух,
А отроки пещные живы.

1921

РОЖДЕНИЕ ЭРОСА

Пурпуровые паруса
Курчаво стали в сизых тучах
И бирюзово полоса
Тускнеет на зеленых кручах,
В тяжелых островах пловучих
Зеркально млеют небеса.
Предлунная в траве роса
Туманит струи вод текучих.

Поет таинственно звезда
Над влажным следом каравана,
Ложится важно борода
На сумеречный блеск кафтана,
Дыханье дальнего ливана
Несет угасшая вода,
Полумерцающая иногда
Восточным сотом Гюлистана.

Кофейноокий эфиоп
В дуге дикарской самострела,

Склонив к кормилу плоский лоб,
К безвестному ведет пределу.
Крестом искривленное тело,
Стройней гигантских антилоп,
За не видя тщетным гроб,
Пророчески окаменело.

Загадочно в витом браслете
Смуглеет тусклый амулет.
(Кто этот юноша, кто третий?)
Шестнадцать ли жасминных лет
Оставили весенний след
В полете медленных столетий?
Предмет влюбленных междометий,
Смущенный выслушай привет.

Какая спутница, какая,
Тяжелый ладан — ассекая,
Лазурно-острыми лучами,
Как бы нездешними мечами,
Из запределных сонных стран
Ведет пловучий караван?

Линцей, Линцей!
Глаза — цепи!
Не в ту сто-
рону цель
взор.

Пусто . . .
Синие степи . . .
Корабель-
щики всей
шири,
четыре
стороны горизонта
соединяет понта
простор!
Остри зренбе,
Жмурь, жмурь
веки! —
(зрачек-лгун)
ни бурь,
ни лагун,
ни зарева,
(виденбе, виденбе,
зачем тебе реки?)
не надо видеть, —
Все — марево!
Чу, — пенбе!
Медвяный сирен глас!
Круги пошли в сердце . . .
Смотри,
слухом прозревший!
Настал час . . .
Тише, тише
Чудо рожденбе!

Медвяный сирен глас:

Чудо рожденья! заря розовеет,
В хаосе близко дыханье Творца,
Жидкий янтарь золотея густеет,
Смирной прохладною благостно веет
Роза венца!

Эрос!

Слезы стекают священного воска,
Чадно курится святой фитиль,
Затрепетала от ветра березка,
Падает храмина плавно и плоско,
Вспенилась пыль.

Эрос!

Лоно зеленое пламенно взрыто,
Вихрем спускается на море рай,
Радужной влагой рожденья повито,
О, белоногая, о, Афродита,
Сладостно тай!

Эрос!

Скок высокий, Эрос, Эрос!
Пляс стеклянный, райский скок!
Отрок вечный, Эрос, Эрос,
Лет божественный высок!
В розе, в радуге рожденья,
В пене брызг плескучий рай,

В вещей час уединенья,
Гость весенний, заиграй.
По сердцам, едва касаясь,
Ты летишь, летишь, летишь!
И свиваясь, развиваясь,
Голубую взрежешь тишь.
Все наяды, ореады
И дриады вслед тебе,
Не обманчивы отрады,
Розы брошены судьбе.
Танец водит караваны,
Хороводит ход планет.
Как цветут святые раны!
Смерть от бога — слаще нет!
Эрос, всех богов юнейший
И старейший всех богов,
Эрос, Ты — коваль нежнейший
Раскователь всех оков.

Отрок, прежде века рожденный,
ныне рождается!

Отрок прежде хаоса зачатый
зачинается!

Все, что конченным снилось до века,
ввек не кончается!

1920

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
О, нездешние вечера	9

I. ЛОДКА В НЕБЕ

1. Я встречу с легким удивленъем	13
2. Весны я никак не встретил.	14
3. Как месяц молодой повис!	15
4. Ведь это из Гейне что то	16
5. Разбукетилось небо к вечеру	18
6. Листья, цвет и ветка	19
7. У всех одинаково бѣтсся.	21
8. Новолуние	23
9. Успокоительной прохладой	24
10. По прежнему воздух	26
11. Это все про настоящее	27
12. Смерть	29
13. Унылый дух, от'иди.	30

II. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

1. Фузий в блюдечке	35
2. Далекн от родного шума.	36
3. Тени косыми углами	37
4. Расцвели на зонтиках розы.	38
5. Всю тину вод	39

	Стр.
6. Пейзаж Гогэна	40
7. Античная печаль.	42
8. Мореход на суше	43
9. Белая ночь	44
10. Персидский вечер	45
11. Ходовецкий.	46

III. ДНИ И ЛИЦА

1. Пушкин	51
2. Гете	53
3. Лермонтову.	54
4. Сапунову	56
5. Карсавиной.	58
6. Шведские перчатки.	59

IV. СВ. ГЕОРГИЙ 63

V. СОФИЯ

1. София	77
2. Базилид	79
3. Фаустина	83
4. Учитель	84
5. Шаги	86
6. Мученик	87
7. Рыба	88
8. Гермес	90

VI. СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

1. Пять	95
2. Озеро Неми	97
3. СНЫ	98

	Стр.
4. Св. Марко	99
5. Тразименские тростники	100
6. Венеция	102
7. Эней	104
8. Амур и невинность	106
9. Ассизи	108
10. Равенна	110
11. Италия	112

VII. СНЫ

1. Адам	117
2. Озеро	120
3. Пещной отрок	124
4. Рождение Эроса	125

Напечатано и издано
Издательством
«СЛОВО», Берлин.

Склад издания:
Книготорговое Аку. Общ. «ЛОГОС»
Berlin SW 68